

Музыкальная СРЕДА

ГЕРОИЧЕСКАЯ СИМФОНΙΑ

Гомер был слеп, Бетховен глух. Но в той слепоте было прозрение проводца. Но в той глухоте было презрение очевидца бессмысленной, мышиной возни вокруг тронов и престолов. Известно немало легендарных историй о том, как Бетховен дерзко отказывался от всяких моральных компромиссов, угодных сильному мира сего. Даже Гете, чье солнце уже высоко успело взойти, обывательски опасался: «Он лишается слуха, что, быть может, менее вредит музыкальной стороне его существа, чем общественной». Опасения Гете вскоре оправдались, и это послужило основой для серьезной размолвки между двумя великими людьми.

— Э, что там,—говорил Бетховен, когда Гете с почитительным лицемерием рассказывал, какими почестями осыпают его императрица и австрийские герцоги,—вы должны бить их всех по носу всем, что вы из себя представляете...

Сам же он спокойно нравовал надменного герцога: «Вы можете нацепить кому-нибудь орден, но этим не сделаете его лучше ни на йоту; вы можете сделать надворного или тайного советника, но не Гете и не Бетховена. Следовательно, вы должны питать уважение к тому, чего вы не можете сделать...»

И когда осторожный Гете подобострастно снимал шляпу и склонялся перед властительными особами, придерживаясь правил придворного этикета, Бетховен с засунутыми в карман руками и поднятым вверх воротничком гордо проходил мимо них.

Он так и дошел до нас в рисунках, сделанных рукой современников: невысокий, коренастый, заложив руки за спину, всем своим существом устремившись вперед... Так подставляют грудь ветру... Так спокойно идут навстречу опасностям, презирая все кривотолки и обходные пути...

Бетховен не был красив... Скорее наоборот... Но он вступил на землю для того, чтобы утвердить высшую красоту и высшую гармонию духовной зрелости человека, могучее единство чувства и разума. Поэтому один из самых распространенных портретов композитора сохранил для нас орлиный полет мысли, кипящие струи волос и твердое, словно высеченное из мрамора, лицо. Чем дальше мы отдаляемся от Бетховена по времени, тем грандиознее кажется он нам. Словно время вла-

К 195 - л е т и ю
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б Е Т Х О В Е Н А

деет резцом и, как Микеланджело, высекает из гранита суровые черты великого композитора... И это сравнение не случайно, потому что Микеланджело был любимым художником Бетховена. Создатель «Страшного суда» имел такую же власть над своими современниками, как и творец «Патетической». Недаром композитор сурово предупреждал всех исполнителей своих произведений: «Мои произведения — не миниатюры и не филигранные изделия, а фрески Микеланджело, и если вы хотите их выразить по-моему, мажьте ваши кисти в сочные краски, научитесь извлекать из ваших инструментов здоровый сильный звук...» Наверное, поэтому тело Бетховена обладало крепостью и силой, которая свойственна мощным скульптурам Микеланджело, а нервная система отличалась необычайной возбудимостью, как струны музыкального инструмента...

В своей всеподавляющей откровенности и всепопирающей монолитности Бетховен страшен не только для своих врагов, которых он не устал разить беспощадными островами. Львиный голос Бетховена не оставлял в покое ни «княжескую сволочь», ни продажных царедворцев, ни жуликоватых властителей. «Дерево, не приносящее плодов, за-

служивает того, чтобы его вырвали и бросили в огонь», — недвусмысленно говорил он, распространяясь не только на Бурбонов...

Бетховен страшен своей головокружительной глубиной проникновения в океан человеческих переживаний. Страшен и одновременно радостен, как человек, сумевший победить жуткую пустоту и отчаяние, которые неминуемо настигают тех, кто, как и он, вплотную подходят к трагедии личности. В знаменитой «Оде к Радости» счастье утверждается в результате преодоления страдания.

Шуман боготворил Бетховена, хотя и признавался, что немного боится его, как может бояться сын своего отца, ученик — своего учителя, художник — сурового суда современников. «Красота страшна» — писал Александр Блок в одном из своих стихотворений.

Было что-то страшное в жизни Бетховена, которая пыталась ломать и швырять его, как щепку в океане. Но он сумел противостоять трагическим обстоятельствам своей судьбы, поэтому все его творчество пронизано духом несокрушимой энергии, отваги и дерзости. Несмотря на свою глухоту, он, может быть, как никто из его современников, умел слышать подлинный голос народа, различать подземные толчки грядущих битв и революций. Он не был ослепленным догматиком, ревнителем раз и навсегда выбранных принципов. Ведь его внутренний слух умел проникать в такие противоречия, которые ломали устоявшиеся представления о добре и зле, о передовом и реакционном. Узнав, что Наполеон короновался, Бетховен разорвал написанное ему посвящение на титульном листе своей третьей симфонии, которой он первоначально мечтал присвоить имя Бонапарта. Отныне она стала называться «Героической», в честь народа, а ему был верен Бетховен всю жизнь. И в том бес- смертие композитора...